

РОЛЬ ВЫСШИХ КОРОЛЕВСКИХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ЯПОНИИ В ФОРМИРОВАНИИ БУДДИЙСКИХ ИНСТИТУТОВ

Пхунтхасан Пхра Парон (Джаянандо Бхиккху)

*Аспирант, Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ
peter.ppj.bsu@gmail.com*

THE ROLE OF SUPREME ROYAL DECREES OF JAPAN IN THE FORMATION OF BUDDHIST INSTITUTIONS

Phunthasane Phra Paron (Jayānando Bhikkhu)

Summary: This paper examines the role of supreme royal decrees in Japan, including imperial edicts, shogunate orders, and other legal acts, in the formation of Buddhist institutions. These decrees played a crucial role in shaping the relationship between religion and state power, defining the position of Buddhism within Japan's political and social structures. The study focuses on changes in the religious policy of Japan as reflected in these decrees and their impact on the evolution of Buddhist institutions over different historical periods. Special attention is given to key concepts such as Shinto, kokutai, Ritsuryō, Soniryō, and others, which facilitated the integration of Buddhism into the state system. The paper also analyzes changes in legal acts that regulated Buddhism in Japan. This research offers a comprehensive analysis of the sources, aimed at gaining a deeper understanding of the role of royal decrees as instruments of state control and religious policy formation in Japan.

Keywords: supreme royal decrees, Buddhism, Japan, imperial edicts, shogunates, religious policy, Shinto, kokutai, Ritsuryō, Soniryō, source studies, religious studies, Buddhist studies.

Аннотация: Данная работа исследует роль высших королевских постановлений Японии, таких как императорские указы, распоряжения сёгунатов и другие правовые акты, в формировании буддийских институтов. Данные постановления сыграли ключевую роль во взаимодействии между религией и государственной властью, определяя место буддизма в политической и социальной структуре страны. Исследование фокусируется на изменениях в религиозной политике Японии, которые нашли отражение в этих актах, а также на влиянии этих изменений на буддийские институты и их эволюцию на разных исторических этапах. Особое внимание уделяется ключевым концепциям, таким как синто (Shinto), кокутай (kokutai), рицурё (Ritsuryō), сонирё (Soniryō) и другие, которые помогли интегрировать буддизм в государственную систему, а также на изменения в законодательных актах, которые регулировали буддизм в Японии. Работа представляет собой комплексный анализ источников, направленный на глубокое понимание роли королевских постановлений как инструмента государственного контроля и формирования религиозной политики в Японии.

Ключевые слова: высшие королевские постановления, буддизм, Япония, императорские указы, сёгунаты, религиозная политика, синтоизм, кокутай, рицурё, сонирё, источниковедение, религиоведение, буддология.

Введение

Исследование посвящено анализу королевских постановлений Японии как источника знаний о развитии буддизма. Включены императорские указы, распоряжения сёгунатов (военно-административных правительств под управлением сёгуна) и иные правовые акты, обладавшие значительным весом в религиозной и политической истории страны. Указанные документы оказали влияние на становление буддийских учреждений, их взаимодействие с государственной системой и внутреннюю организацию монашеских сообществ в разные эпохи. В сравнении с иными источниками, королевские постановления обеспечивают возможность исследовать взаимосвязь власти и религии, а также выявить способы интеграции буддизма в государственное управление.

Буддизм проник в Японию в VI веке и постепенно стал составной частью культуры и общественной жизни. Взаимодействие буддийских институтов с императорской властью и сёгунатами привело к формированию государственной религиозной политики, отраженной

в рядах королевских постановлений. Целью настоящей работы является определение этапов развития этой политики, анализ ее изменений с учетом правовых актов и оценка последствий для институтов буддизма в социальной и государственной сферах.

Отдельное внимание уделяется процессу становления религиозных норм, их оформлению в виде нормативных документов и результатам их применения на практике. Признание буддизма государственной религией и его дальнейшее использование как инструмента власти требуют тщательного анализа. В рамках этого исследования необходимо дать определение и контекст нескольким ключевым понятиям, таким как:

1. **Синто** (Shinto) — японская религиозная традиция, включающая поклонение kami (сущностям, духам природы или предкам). Синтоизм стал официальной религией Японии и играл важную роль в формировании государственной идеологии в разные исторические периоды.
2. **Кокутай** (kokutai) — концепция национальной идентичности Японии, выражающаяся в идее единства народа, императора и нации. Эта идея

стала основой государственной идеологии в Японии, особенно в период Мэйдзи.

3. **Рицурё** (Ritsuryō) — система законов, заимствованная из Китая, которая включала административные и уголовные кодексы, применявшиеся в Японии в VII–VIII веках для централизованного управления.
4. **Сонирё** (Soniryō) — уложения о монахах и монахинях в рамках системы Рицурё, регулирующие жизнь и деятельность буддийского духовенства.
5. **Дзиин хатто** (Dziin Hatto) — уложения для храмов и монастырей, разработанные в период Токугава, регулировавшие все аспекты жизни буддийских учреждений.
6. **Микотонори** (Mikotonori) — устные повеления японских императоров, которые позднее фиксировались письменно.
7. **Шинбутсу шюго** (Shinbutsu shūgō) — концепция синкретизма в японской религии, объединяющая поклонение kami и буддистскую практику.
8. **Шинбутсу бунри** (Shinbutsu bunri) — разделение kami и Будды, внедренное в Японии в эпоху Мэйдзи, что отражало официальное отделение синтоизма и буддизма.

Понимание перечисленных терминов в контексте королевских постановлений позволяет выявить каналы воздействия государственных актов на буддистские общины и оценить их влияние на социально-культурные процессы. Исторический анализ законодательных норм проливает свет на способы использования религии в интересах государственной власти и отражает эволюцию взаимоотношений между буддизмом и светской системой управления.

В современной Японии законодательные акты продолжают оказывать влияние на религиозную сферу, что делает исторический опыт регулирования буддизма актуальным для понимания современных механизмов взаимодействия государства и религии. Широкий интерес к теме в условиях глобализации подчеркивает значение изучения исторических прецедентов для более глубокого осознания религиозной политики и ее воздействия на общество.

Целью исследования является анализ и систематизация высших государственных постановлений Японии как источников для изучения буддизма. Основной задачей является выявление изменений в религиозной политике японского государства, отраженных в указах императоров и сёгунатов, а также оценка их воздействия на буддийские институты, их эволюцию и роль в общественной и государственной жизни страны.

Перечень **задач** исследования включает семь пунктов. Первый пункт посвящен анализу основных типов

высших государственных постановлений, затрагивающих буддизм, на различных этапах развития Японии. Второй пункт направлен на выявление эволюции формулировок и содержания данных актов, их юридической значимости и политических мотивов в контексте буддизма. Третий пункт затрагивает определение ключевых направлений государственной религиозной политики — патронажа, контроля, регламентации и репрессий — с учетом их влияния на внутренние процессы буддийской общины. Четвертый пункт предполагает установление вклада рассматриваемых актов в формирование государственного буддизма и закрепление социального статуса буддийских институтов на разных исторических этапах. Пятый пункт посвящен разработке рекомендаций для последующих исследований, направленных на более детальное изучение использования нормативных актов в религиозной сфере Японии.

Объект исследования включает императорские указы, распоряжения сёгунатов и иные правовые акты, регулирующие взаимодействие государственной власти с буддийскими институтами на протяжении всей японской истории. **Предметом** исследования служит анализ влияния данных документов на буддизм как социальный и религиозный институт, а также на практики монашеских сообществ. Особое внимание уделяется изменениям в законодательных актах, отражающим развитие государственной религиозной политики, и их воздействию на буддийские институты в разные исторические периоды.

Научная новизна исследования выявляется через системный анализ королевских постановлений Японии как источников по изучению буддизма. В центре внимания оказываются императорские указы и распоряжения сёгунатов, их роль в развитии буддийских институтов и становлении государственной религиозной политики. Изучение данных актов выходит за рамки общих описаний политико-религиозных процессов, показывая, насколько правовые нормы регулировали буддистскую практику в разные эпохи. Раскрывается эволюция формулировок постановлений, изменения их юридического статуса и направления государственного контроля над религией. Анализ демонстрирует механизмы, с помощью которых японская правовая система адаптировала заимствованные из Китая и Кореи модели управления буддизмом и интегрировала их в собственный исторический контекст.

Методология

Методологическая основа работы построена на тщательном изучении проверенных академических публикаций, перечисленных в библиографии. В качестве основного метода используется источниковедческий анализ, подразумевающий проверку достоверности данных через сопоставление вторичных исследований,

где первичные тексты императорских указов и правовые своды уже прошли экспертную оценку. Работа не включает прямого обращения к неизданным или плохо зафиксированным документам, сохраняя кабинетный характер исследования.

Выделены пять взаимосвязанных **методов**. Сначала проводится контекстуализация ключевых документов через изучение авторов и исторических обстоятельств их появления. Далее исторический анализ позволяет отследить развитие норм и форм постановлений, а также их влияние на буддизм в разные периоды. Социально-культурный анализ показывает трансформацию общественной роли буддийских сообществ под давлением государственных актов. Политико-правовой анализ рассматривает влияние нормативных актов на соотношение светской и религиозной власти. В завершение используется критический дискурс-анализ, целью которого является выявление идеологических установок и приоритетов, зашифрованных в тексте королевских постановлений.

Обзор источников

Для анализа королевских постановлений Японии как источников для изучения буддизма были использованы различные работы, которые освещают роль этих документов в формировании государственной политики по отношению к религии. Включенные в данное исследование работы охватывают ключевые моменты исторического и правового регулирования буддизма в Японии, их влияние на буддийские институты и взаимоотношения с государственной властью. Все работы, приведенные ниже, имеют существенное значение для понимания воздействия королевских постановлений на развитие буддизма и его роль в японском обществе.

Абе Йошия в трилогии своих работ по религиозной свободе под Конституцией Мэйдзи рассматривает изменения в религиозной политике Японии в период Мэйдзи, когда буддизм и синтоизм подверглись значительным преобразованиям. В этих исследованиях Абе описывает влияние Конституции Мэйдзи на буддизм, включая правовую регуляцию религиозной свободы и ее последствия для буддийских институтов в Японии [2, с. 57–97; 3, с. 27–79; 4, с. 223–266].

Абе Рё в работе о Саитио и Кукайе (1995) исследует конфликт между этими двумя влиятельными фигурами японского буддизма и их разные подходы к буддийскому учению. Исследование раскрывает важность королевских постановлений для формирования буддийских школ и установления канонов [1, с. 103–134].

Антони Клаус в статье о разделении богов и будд в Японии на примере храма Омива (1995) исследует вли-

яние государственного регулирования религиозной практики в период Мэйдзи. Указ о разделении синто и буддизма был важным актом, который значительно изменил положение буддизма в Японии и затронул буддийские храмы, ранее взаимодействовавшие с синтоистскими святилищами [5, с. 139–159].

Тамамура Фумио в своем исследовании (2009) анализирует развитие системы храмов и прихожан в Японии, подчеркивая, как королевские постановления в различные исторические периоды изменяли отношения между буддийскими храмами и населением. Данное исследование демонстрирует важность государственных актов для организации социальной структуры вокруг буддизма [6, с. 11–26].

Мэтью Р.Хейс в своей магистерской работе (2012) исследует различные формы контроля, которые сёгунаты использовали для регулирования буддизма. Хейс показывает, как королевские постановления в период Токугава усиливали контроль над буддийскими храмами, а также каким образом это влияло на социальную структуру Японии и буддийскую дисциплину [7, с. 4–34].

Иноуэ Нобутака в статье о формировании секто-синтоизма в Японии (2002) описывает, как королевские постановления Мэйдзи повлияли на религиозный ландшафт Японии. Исследование также затрагивает вопросы взаимодействия буддизма и синтоизма в эпоху модернизации, что является важным для понимания процессов, происходивших в буддийских институтах в это время [8, с. 405–427].

Джон Э.Киддер в статье о буддийских реликвиях и скрытых хранилищах храма Хориудзи (1992) фокусируется на роли королевских постановлений в поддержке буддийских реликвий и их значении для государственной идеологии. Данная работа помогает понять, как буддийские реликвии использовались для усиления государственного патронажа [9, с. 217–244].

Херман Крэмер в своей работе (2017) исследует изменения в отношении к светскому и религиозному в Японии в период раннего Мэйдзи. Он показывает, как политика секуляризации, поддерживаемая королевскими постановлениями, изменила роль буддизма в государстве и повлияла на его практики [10, с. 63–77].

Макбэйн А.Дж. в своем исследовании (2008) анализирует роль буддизма в системе национальной обороны Японии в период Нара. Его работа показывает, как королевские постановления использовались для формирования буддийских храмов и интеграции буддизма в государственное управление [11, с. 113].

Муллинс М.Р. в исследовании о Конституциях Япо-

нии (2025) анализирует законодательные изменения в Японии, касающиеся религии, включая буддизм. Работа подчеркивает важность изменений в законодательстве для буддистских институтов, а также их влияние на государственную политику [12, с. 295–300].

Секимори Г. в статье о разделении kami и будды в Японии (2005) исследует, как королевские постановления повлияли на разделение религий в Японии. Этот процесс был важным для понимания конфликта между синтоизмом и буддизмом и последующего влияния на буддийские храмы [13, с. 197–234].

Шимадзуну С. в своей работе (2009) анализирует развитие государственного синтоизма и его влияние на буддизм в Японии. Этот источник показывает, как королевские постановления помогли укрепить императорский культ, который использовался для подкрепления власти и ограничения влияния буддизма в поздний Мэйдзи [14, с. 93–124].

Тиунэн М. в исследовании о переходе от джиндō к синтоизму (2002) рассматривает изменения в религиозной политике Японии, связанные с королевскими постановлениями. Его работа дает полезное понимание того, как буддизм и синтоизм пересекались и как в этом процессе принимали участие королевские постановления [15, с. 233–263].

Йошикава С. в исследовании о древних клятвах в Японии (2023) описывает важность этих клятв в контексте государственного контроля над буддизмом и того, как королевские постановления влияли на общественные и религиозные обязательства в Японии [16, с. 22–39].

Использование этих источников в исследовании позволяет глубже понять, как королевские постановления Японии влияли на религиозные практики и развитие буддизма в стране, а также как государственные акты становились важными инструментами для поддержания власти и религиозной идеологии.

Результаты и обсуждение

В ходе исследования высших королевских постановлений (далее — ВКП) Японии как источников для изучения буддизма, была выявлена их центральная роль в формировании взаимоотношений между буддизмом и государственной властью. Данные документы, включая императорские указы, распоряжения сёгунатов и другие нормативные акты, являлись не только средствами контроля, но и важными инструментами для развития буддийской традиции в Японии. Они отражали изменения в политике государства и воздействовали на социальные и религиозные институты, обеспечивая регулирование и поддержку буддизма на различных этапах истории.

Эволюция королевских постановлений как исторического источника

Нормативные акты раннего периода (VI век) представляли собой устные предписания императоров, известные под термином микотонори (御言宣). Первоначально такие повеления не фиксировались письменно, что отражало начальные усилия по упорядочению управления, однако юридической силы они не имели. Только позже устные распоряжения стали записываться, что послужило переходу к формализованным документам.

В VIII–IX веках, когда государство начало активно централизоваться (эпоха Нара), сложилась практика оформления распоряжений в стабильных формах. Появились сё (詔), тёку (勅) и сэммё (宣命), позволяющие классифицировать властные предписания по назначению и уровню важности. Одновременно данные акты оказывали влияние на распространение буддизма, поскольку с их помощью создавались новые храмы и монастыри, а также регулировались вопросы имущественных прав и административного устройства буддийских общин.

Система Рицурё (律令), введенная в период Нара, включила специальные разделы (Сонирё) для упорядочения статуса монахов и монахинь. В результате нормативные акты обрели четкую юридическую структуру, что дало возможность использовать их в качестве полноценного исторического источника для изучения развития буддийских институтов. Постановления этой эпохи отражают не только правовые механизмы контроля над религией, но и изменения в социально-культурной роли буддизма.

Роль королевских постановлений в регулировании буддизма

Нормативные акты государственного уровня обеспечивали четкие рамки взаимодействия буддийских институтов и политической власти. В эпоху Нара буддизм получил статус государственной религии, что выразилось в ряде императорских указов, способствовавших распространению религии и укреплению ее позиций. Указ Сёму о создании в каждой провинции сети государственных монастырей (кокубун-дзи и кокубунни-дзи) сформировал административную иерархию буддийских учреждений, которая обеспечивала единство правового регулирования и способствовала культурной консолидации территории Японского государства.

Законотворческая часть системы Рицурё включала раздел Сонирё (僧尼令), где подробно регламентировались права и обязанности монахов и монахинь. Положения о дисциплине, распределении земельных наделов и порядке управления монастырскими владениями устанавливались таким образом, чтобы гарантировать лояльность буддистских общин к вышестоящей власти.

Введение Сонирё позволило контролировать финансовые потоки монастырей и предотвращать отклонения от предписанных норм, тем самым укрепляя позиции центральной власти.

В результате нормативные акты становились инструментом синхронизации религиозных практик с государственными интересами. Институциональная модель, реализованная посредством кокубун-дзи и положений Сонирё, обеспечивала долговременную стабильность буддийской структуры и позволяла государству формировать общественно-культурный ландшафт на основе единой религиозной политики.

Методы государственного контроля через королевские постановления

Различные исторические эпохи демонстрируют применение королевских постановлений в качестве инструмента многопланового регулирования буддийских институтов. В эпоху Токугава сёгунат принял «Дзиин хатто» (寺院法度) — свод нормативных актов, охватывающих доктрину, земельную собственность и финансовую деятельность храмов и монастырей. Положения этих постановлений устанавливали жесткие правила монашеской дисциплины и подробно описывали административные процедуры, направленные на поддержание зависимости религиозных учреждений от светской власти сёгуна.

Дополнительно сёгунат ввёл систему «данка сэйдо» (檀家制度), при которой каждая семья была обязана прикрепиться к определенному храму. Такой механизм обеспечивал регулярный доход для монастырских структур и одновременно фиксировал население в рамках конкретных религиозных общин. В результате формировалась сеть, где каждый храм становился не только духовным, но и административным узлом, с которого осуществлялся сбор средств и контроль за религиозной активностью прихожан.

Комбинация «Дзиин хатто» и «данка сэйдо» позволила Токугава установить сквозной надзор за буддийскими институтами. Нормативные акты закрепляли обязанности священнослужителей, регламентировали распределение земельных наделов и судебные процедуры в случае нарушений монашеских уставов. В итоге государство получало возможность не только регулировать содержание религиозных практик, но и оперативно влиять на социально-экономические связи внутри буддийской среды.

Влияние внешних факторов на японскую систему королевских постановлений

Японская практика формирования королевских постановлений возникла под заметным влиянием китайской (Рицурё) и корейской правовых систем, однако со

временем приобрела собственные черты. В Китае буддизм порой рассматривался как потенциальная угроза централизации власти, тогда как в Японии религия стала инструментом усиления государственного аппарата. Заимствованный свод Рицурё претерпел адаптацию под местные условия, что привело к появлению особых правовых норм, учитывающих специфику японской бюрократии и культурных традиций.

Особое внимание уделялось гармоничному сочетанию буддийских и синтоистских элементов, что обусловило создание таких институтов, как кокубун-дзи (国家仏寺; «провинциальные государственные монастыри») и Сонирё (僧尼令; «законы о монахах и монахинях»). В указах, касающихся кокубун-дзи, устанавливались правила финансирования и административного подчинения этих храмов, что укрепляло единство региональных общественных структур и одновременно служило средством политического контроля. Положения Сонирё регулировали статус духовенства и монопольное право монастырей на земельные владения, создавая нормативную базу для наблюдения за деятельностью буддийских общин. В результате японская система королевских постановлений обрела уникальный характер: законодательные нормы не только воспроизводили китайские и корейские модели управления религией, но и учитывали особенности местных конфессиональных взаимоотношений и административного устройства.

Заключение

Заключение представляет обобщенную оценку роли высших королевских постановлений Японии в становлении и развитии буддийских институтов, а также определяет области для дальнейших исследований.

Во-первых, выявлено значение императорских указов, распоряжений сёгунатов и иных нормативных актов как исторических источников, формировавших правовой и административный контекст функционирования буддийских храмов и монастырей. Анализ позволяет зафиксировать способы взаимодействия религиозных учреждений с политической властью и отследить изменение их статуса в разные эпохи.

Во-вторых, отмечена эволюция королевских постановлений от устных предписаний VI века (микотонори) до письменных актов правового характера в период Нара с введением системы Рицурё и специального раздела Сонирё. Взаимосвязь разработки «Дзиин хатто» в эпоху Токугава и последующих реформ Мэйдзи демонстрирует непрерывный процесс юридического совершенствования нормативных документов, направленных на регулирование буддистской практики.

В-третьих, установлены основные механизмы государственного контроля: создание провинциальных

монастырей (кокубун-дзи) для централизованного патронажа, регулирование статуса монахов и монахинь посредством Сонирё, введение системы данка сэйдо для закрепления прихожан за конкретными храмами, а также закрепление требований внутреннего порядка и финансовой отчетности через «Дзиин хатто». Эти меры обеспечивали долговременную устойчивость буддийских структур и закрепляли их зависимость от светской власти.

В-четвертых, проанализированы внешние влияния на японскую систему нормативных актов. Адаптация китайской правовой традиции (Рицурё) под местные реалии, с учетом синкретизма буддизма и синтоизма, привела к созданию уникального набора норм. Формирование кокубун-дзи и Сонирё сочетало духовную и политическую функции, обеспечивая консолидацию общества и укрепление государственных институтов.

Предварительные итоги исследования подчеркивают, что королевские постановления выступали инстру-

ментом формирования государственной религиозной политики, направленным на интеграцию буддизма в структуру власти. Буддизм, будучи элементом государственной идеологии, способствовал консолидации территории и культурной сплоченности.

Перспективы дальнейших работ связаны с углубленным изучением отдельных видов королевских постановлений и их влияние на монашескую жизнь в различные исторические периоды. Сравнительный анализ нормативных актов Японии, Китая и Кореи позволит выявить общие тенденции и отличительные черты регионального взаимодействия государства и религии. Особое внимание следует уделить практическому воздействию постановлений на обрядовую деятельность и социальные связи буддийских общин. Кроме того, актуальным направлением является сопоставление японского опыта с правовыми нормами, регулирующими буддизм в Таиланде, что обеспечит более широкое понимание взаимосвязи религиозной и государственной сфер в разных культурных контекстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Abe R. Saichō and Kūkai: A Conflict of Interpretations // *Japanese Journal of Religious Studies*. — 1995. — Vol. 22, № 1–2. — P. 103–134.
2. Abe Y. Religious Freedom under the Meiji Constitution. II. Religious Freedom in the Making of the Meiji Constitution // *Contemporary Religions in Japan*. — 1968. — Vol. 9, № 4. — P. 57–97.
3. Abe Y. Religious Freedom under the Meiji Constitution. IV. Religious Freedom and the Yamagata Religions Bill // *Contemporary Religions in Japan*. — 1969. — Vol. 10, № 3–4. — P. 27–79.
4. Abe Y. Religious Freedom under the Meiji Constitution. VI. Religious Freedom and the Judiciary // *Contemporary Religions in Japan*. — 1970. — Vol. 11, № 3–4. — P. 223–266.
5. Antoni K. The 'Separation of Gods and Buddhas' at Ōmiwa Jinja in Meiji Japan // *Japanese Journal of Religious Studies*. — 1995. — Vol. 22, № 1–2. — P. 139–159. — DOI: 10.18874/jjrs.22.1-2.1995.139-159.
6. Fumio T. The Development of the Temple-Parishioner System // *Japanese Journal of Religious Studies*. — 2009. — Vol. 36. — P. 11–26. — DOI: 10.18874/jjrs.36.1.2009.11-26.
7. Hayes M.R. Varieties of Control and Release in Tokugawa Religion: MA thesis. — Oregon: Univ. of Oregon, 2012. — 93 p.
8. Inoue N. The Formation of Sect Shinto in Modernizing Japan // *Japanese Journal of Religious Studies*. — 2002. — Vol. 29, № 3–4. — P. 405–427.
9. Kidder J.E. Jr. Buddhist Relics and Hidden Repositories of Hōryū-ji // *Japanese Journal of Religious Studies*. — 1992. — Vol. 19, № 2–3. — P. 217–244.
10. Krämer H.M. Reconciling the Secular in Early Meiji Japan: Shimaji Mokurai, Buddhism, Shinto, and the Nation // *Japan Review*. — 2017. — № 30. — P. 63–77. — URL: <http://www.jstor.org/stable/44259461> (дата обращения: 28.05.2025).
11. MacBain A.J. Temples and Sutras: Nara Japan's National Defense System: MA thesis. — Hamilton (Canada): McMaster University, 2008. — 113 p.
12. Mullins M.R. The Treatment of 'Religion' in the Constitutions of Japan (1889, 1947) and Proposed Revisions to Articles 20 and 89 of the Postwar Constitution by the Liberal Democratic Party (2012) // *Buddhist Asia*. Vol. III / ed. by C. Kleine, K. Kollmar-Paulenz, H. Seiwert. — Berlin; Boston: De Gruyter, 2025. — P. 295–300. — DOI: 10.1515/9783111254081-041.
13. Sekimori G. Paper Fowl and Wooden Fish: Separation of Kami and Buddha Worship in Haguro Shugendō, 1869–75 // *Japanese Journal of Religious Studies*. — 2005. — Vol. 32, № 2. — P. 197–234.
14. Shimazono S. State Shinto in the Lives of the People the Establishment of Emperor Worship, Modern Nationalism, and Shrine Shinto in Late Meiji // *Japanese Journal of Religious Studies*. — 2009. — Vol. 36, № 1. — P. 93–124. — DOI: 10.18874/jjrs.36.1.2009.93-124.
15. Teeuwen M. From Jindō to Shinto: A Concept Takes Shape // *Japanese Journal of Religious Studies*. — 2002. — Vol. 29, № 3–4. — P. 233–263. — DOI: 10.18874/jjrs.29.3-4.2002.233-263.
16. Yoshikawa S. Before Written Oaths (kishōmon): Oaths (sensei) in Ancient Japan // *Medieval Worlds*. — Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2023. — P. 22–39.